ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею
основания крепости Васильсурск в 1523 году

Нижний Новгород
Свияжск
2024

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П42

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Е. Негин,
канд. ист. наук А. А. Сорокин

Редколлегия:
канд. ист. наук, мл. науч. сотр. ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – 156 с., ил.

ISBN 978-5-4437-1714-2

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веках и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн. Сборник предназначается для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)

ISBN 978-5-4437-1714-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2

© Коллектив авторов

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-6

М. А. Несин
ученый секретарь МОО «Историческое сознание», к.и.н
petergof-history@yandex.ru

К ИСТОРИИ ВЗЯТИЯ КАЗАНИ В 1487 ГОДУ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОДА

В данной работе комплексно рассмотрены сведения источников о хронологии и организации русского похода на Казань 1487 г. Уточняются даты выступления и прибытия под Казань великокняжеских войск, а также пленения великокняжескими воеводами казанского хана Алегама и его доставки в Москву. Автор показывает, что великий московский князь Иван III не рассчитывал на серьезное сопротивление со стороны казанской конницы и отправил брать Казань преимущественно пешее войско без осадной артиллерии. Сравнительно небольшая русская конница была отогнана за р. Каму татарским князем Аль-Гази. Однако, Иван III прислал в подкрепление своим воеводам два конных отряда. Казанцы упорно обороняли город и о наличии в Казани промосковской партии говорить не приходится. Также в работе рассмотрены сведения источников о пленных, ссыльных и казненных казанцах. Уточняются количество жен и сестер пленного казанского хана Алегама, время отправки в ссылку членов ханской семьи, месторасположение Карголома и время постройки в нем деревянной крепости, в которой были заточены мать, два брата и одна сестра Алегама.

Ключевые слова: Иван III, казанский хан Алегам, Казанское ханство, Дмитрий Васильевич Шеин, князь Даниил Дмитриевич Холмский, князь Семен Иванович Ряполовский Молодой, казанский хан Мухаммед-Эмин, татарский князь Аль-Гази, Великое княжество Московское.

Во второй половине 1486 г. бывший казанский хан Алегам по согласию с казанцами вернулся из Ногайской орды и согнал с казанского престола московского ставленника, своего младшего сводного брата Мухаммед-Эмина. Тот примчался к великому московскому князю Ивану III и просил у него войска «на брата своего» и великий князь «порек», то есть, устно обещал «ему дати» (См. напр.: Илюшин, 2019. С. 41; Несин, 2024). По сведениям Устюжского летописного свода начала XVI в. (далее – УЛС), Мухаммед-Эмин в обмен на военную помощь со стороны Ивана III назвал его своим отцом (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96), то есть, признал себя его вассалом, что подтверждается посольскими документами 1489 г., в коих Иван III официально называл Мухаммед-Эмина братом и сыном (Сб. РИО, 1884. С. 83–85), формально самостоятельным, но вассальным правителем. Весной 1487 г. Иван III организовал военный поход на Казань для восстановления Мухаммед-Эмина на престоле. Были набраны судовые и конные войска (о чем помимо привлекаемых исследователями разрядных записей, Ермолинской летописи и УЛС начала XVI в. (ПСРЛ, 1910а. С. 162; ПСРЛ, 1982. С. 50, 96; РК, 1966. С. 20–21[4]) сообщается в Вологодско-Пермском летописце конца XV в. или рубежа XV–

[4] В разрядной книге (далее – РК) 1475–1605 гг. эта запись имеет заголовок «взятье Козанское при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси», более характерный для летописных повестей, чем для разрядов. В данной РК есть

XVI вв. (Клосс, 1976. С. 270), опубликованном Б. М. Клоссом еще в 1976 г., но до сих пор не использованном историками при изучении этой кампании.

Великокняжеские войска были отправлены на Казань в апреле. Уваровская и Софийская II (далее – СII) летописи, в которых, по мнению исследователей, сохранился текст летописного свода 1518 г., сообщают об отправке Иваном III на Казань большого войска с казанским царевичем «о Велице дни» (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 322–323). Стоит отметить, что оборот «о Велице дни» означал не строго «на Пасху», а «около Пасхи». В Стоглаве «о Велице дни» упомянуты радуница и «въюнец» (Стоглав, 1890. С. 192–193). Хотя, как известно, вьюнишник исполняли уже на пасхальной неделе и в первое воскресенье после Пасхи, а радуница и вовсе традиционно приходится на вторник второй недели после Пасхи.

Согласно наиболее обстоятельным сведениям московского великокняжеского летописания[5], Иван III «отпустил» в поход на Казань своих воевод, князей Даниила Дмитриевича Холмского, Александра Васильевича Оболенского, Семена Ивановича Ряполовского, Семена Романовича [Ярославского] 11 апреля в Великий четверг, а 24 апреля во вторник на второй неделе после Пасхи — «царя казанского Мухаммед-Амина»; 18 мая, в четверг на пятой неделе после Пасхи воеводы великого князя с войском («силою») прибыли под Казань и 9 июля взяли город (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 218; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962. С. 287–288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000. С. 526; ПСРЛ, 2000 а. С. 205; ПСРЛ, 2004. С. 331[6]; ПСРЛ, 2007. С. 271–272).

добавочные сведения об этом походе, типичные для великокняжеского летописания: о пленении Алегама, о посажении на царство Мухаммед-Эмина по приказу Ивана III, об отправке с сеунчем князя Ф. Хрипуна (РК, 1977. С. 26–27). Упоминания сеунчей тоже не характерны для разрядов. Мы допускаем (Несин, 2024), что эти подробности взяты из Воскресенской летописи (далее – Вск) служившей источником для записи РК 1475–1605 гг. о походе на Казань 1478 г. (Несин 2022, С. 44; Несин, 2022а. С. 117).

[5] В Московском летописном своде конца XV в. (далее – МЛС) рассказ об этой кампании сохранился в неполном виде – утерян один лист с сообщением о посажении на казанский трон по воле Иван III хана Мухаммед-Эмина и об участи захваченных в Казани пленников. В более полном виде текст великокняжеского летописания с небольшими разночтениями представлен, например, в таких летописных памятниках, как сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг., Типографская (далее – Тип), Прилуцкая, Вологодско-Пермская (далее – ВП), Симеоновская, Иосафовская, Новгородская по списку П. П. Дубровского (далее – НЛД), Вск и Никоновская (далее – Ник) летописи (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 218–219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962.С. 287–288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000. С. 526–527; ПСРЛ, 2000. С. 205; ПСРЛ, 2007. С. 271–272). Нетрудно заметить, что текст в источниках приведен почти дословно, с немногими расхождениями. В Тип и близкой к ней Прилуцкой летописи второй и третий воеводы (князья А. В. Оболенский и С. И. Ряполовский) переставлены местами, в сокращенном летописном своде 1495 г., Тип, Прилуцкой, Симеоновской и ВП летописях опущено упоминание принесенной 20 июля гонцом в Москву вести о пленении казанского хана Алегама русскими воеводами, наконец, в сокращенном летописном своде 1495 г., ВП, НЛД, Вск и Ник летописях сообщается о ссылке не сестры, а сестер Алегама.

[6] По словам Д. А. Котлярова, в МЛС и Симеоновской летописи вместо 11 апреля упомянуто 1 (Котляров, 2005. С. 141; Котляров, 2010. С. 24). Однако, в последней, как и во всех прочих летописных памятниках, содержащих текст данного известия великокняжеского летописания, указано 11 число (ПСРЛ, 2007. С. 271). Надо отметить, что в МЛС допущена простая описка: числа «1» и «11» на Руси обозначались буквами: «а» и «аі» и переписчик пропустил букву «і», означавшую десяток, ошибочно указав, таким образом, 1 число вместо 11.

Между тем, в действительности 11 апреля приходилось в 1487 г. на Великую среду, а не на Великий четверг, а 18 мая — не на четверг, а на пятницу. Большинство исследователей в соответствии с указанными великокняжеским хронистом календарными датами относят выступление великокняжеских воевод и начала осады Казани к 11 апреля и 18 мая. Однако Н. С. Борисов датировал эти события в соответствии с привязанными к Пасхе днями недели, и, таким образом, великокняжеские войска отправились в поход в Великий четверг 12 апреля, а пришли под Казань в четверг на пятой недели после Пасхи 17 мая (Борисов, 2000. С. 409–410), ровно через 5 недель. Полагаем, что Борисов прав: летописи вели духовные лица, которые отдавали приоритет церковным праздникам и соответственно непосредственно привязанным к ним дням недели (нам даже приходилось сталкиваться с тем, что русские летописцы, давая верную привязку к церковному празднику, при этом путали даже название месяца (Несин, 2019а. С. 88)). Так или иначе, поскольку с неделями летописец не ошибся, эта запись, скорее всего, была сделана по свежим следам (едва ли ее составили задним числом на основе разрядных или посольских записей – в них обычно к дням неделям вкупе с церковными праздниками нет привязок). Таким образом, скорее всего, выступление великокняжеских войск следует отнести к Великому четвергу 12 апреля, а прибытие под Казань – к четвергу на пятой неделе после Пасхи 17 мая. Поход к Казани занял 35 дней.

Правда, все упомянутые в великокняжеском летописании четверо воевод – князья Даниил Дмитриевич Холмский, Александр Васильевич Оболенский, Семен Иванович Ряполовский, Семен Романович [Ярославский], согласно разрядной росписи, находились в судовой рати, возглавляя ее полки – Большой, Правой руки, Передовой и Левой руки (РК, 1966. С. 20–21). Поэтому не ясно, касались ли упомянутые великокняжеским хронистом даты выступления и прибытия под Казань всех войск, или, как полагал К. В. Базилевич – только судовой рати (Базилевич, 1952. С. 203). По мнению Ю. Г. Алексеева, которое поддержал Б. А. Илюшин, конница пришла к Казани одновременно с судовой ратью (Алексеев, 2007. С. 359; Алексеев, 2009. С. 289; Илюшин, 2021. С. 41). Стоит отметить, что источники прямо не сообщают об этом. В то же время, УЛС начала XVI в. намекает на одновременное прибытие «под Казань» конной и судовой «силы великого князя», сразившейся с выступившем навстречу из города ханским войском (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). Учитывая опыт организации летне-осеннего казанского похода 1469 г., в котором удалось добиться оперативного взаимодействия конного и судовых войск, одновременное движение конницы и пехоты к Казани в 1487 г. вполне правдоподобно. Таким образом, скорее всего конные и судовые силы к Казани одновременно выступили к Казани 12 апреля в Великий четверг и вместе прибыли под Казань в четверг на пятой неделе после Пасхи 17 мая.

Что касается Мухаммед-Эмина, то его, возможно, предполагалось оберегать от участия в боевых действиях. Он должен был выжить, чтобы после взятия города сесть «на царство». А в 1487 г. он был еще малолетним, на что явно намекают употребленные по отношению к нему Иваном III в мартовском послании к его матери выражения: «добра его смотрили» / «добра его смотрити» (Сб. РИО, 1884. С. 59), то есть, «хорошо присматривали» / «хорошо присматривать», не обычные даже применительно к юному протеже (Несин, 2024). Согласно вышеуказанным сведения великокняжеского летописание конца XV в. он был отправлен Иваном III к Казани уже через 12 дней после выступления великокняжеских войск, во вторник второй недели после Пасхи, 24 апреля. Вполне достаточный срок, чтобы прибыть в подготовленный великокняжескими войсками лагерь, или ретироваться в случае их разгрома под Казанью. Не ясно, на чем Мухаммед-Эмин отбыл к Казани – на коне, или на корабле (Илюшин, 2019. С. 42). Скорее всего, при нем находился сын боярский Дмитрий Васильевич Шеин, после взятия Казани назначенный в ней при нем наместником (ПСРЛ, 1863. Стб. 500)[7], при том, не упомянутый ни в одном источнике как воевода. Вероятно, в 1487 г. положение Д. В. Шеина в походе на Казань было таким же, как в 1477 г. у приставов служилого касимовского царевича Данияра, князей П. Н. Оболенского и И. И. Звенца под В. Новгородом (ПСРЛ, 2004. С. 316), тоже не фигурировавших в качестве воевод в тексте походного дневника Ивана III, выявленном Ю. Г. Алексеевым (Алексеев, 2001. С. 163; Алексеев, 2006; Алексеев, 2009. С. 184–208) в составе великокняжеского летописания.

О том, что происходило под Казанью с 17 мая по 9 июля между приходом великокняжеских сил и взятием города, источники в основном не сообщают. О боевых действиях под Казанью сообщает лишь УЛС начала XVI в. (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96) и прозрачно намекает Вологодско-Пермский летописец конца XV в. или рубежа XV–XVI вв., отмечая, что великокняжеские воеводы «одолѣша Казань» (Клосс, 1976. С. 270): слово «одолѣша» обычно фигурирует в летописях в контексте боевых столкновений. А большая часть источников пишет в духе «пришел, и даже не увидел, а сразу взял» (ПСРЛ, 1863. Стб. 500; ПСРЛ, 1910а. С. 162; ПЛ, 1955. С. 67[8]; ПСРЛ, 1965а. С. 137). Может быть, поэтому в

[7] При этом, Тверская летопись величает Д. В. Шеина боярином, однако, в официальных разрядных записях он даже в 7003 (1495) г. фигурирует в числе детей боярских (РК, 1966. С. 25).

[8] В Псковской II летописи этот поход с участием некого подчиненного Ивану III татарского «царевича», окончившийся взятием Казани, ошибочно датирован 6993 г. Поэтому по мнению одних авторов (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 168, 176. Примеч. 62; Аксанов, 2016. С. 95) речь идет о взятии Казани в 6995 г. (1487) г. великокняжескими войсками, по мнению других – о первом воцарение Мухаммед-Эмина в Казани около 1485 г. (Бахтин, 2001. С. 185; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Поскольку псковский хронист, сообщая о взятии города, не упомянул о возведении в нем на трон того «царевича», речь шла не о раздутом масштабе переворота 6993 (1484/85) г. когда сопровождавшим Мухаммед-Эмина великокняжеским воеводам не пришлось брать Казань, а о настоящем взятии города русскими войсками 6995 (1487) г. (Несин, 2024). Помимо великокняжеских московских воевод с «множеством вои», псковский хронист отмечает участие в походе «множества тотар» царевича (ПЛ, 1955. С. 67). Что это – отражение реального факта участия в данной кампании служилых татар

«Казанской истории» XVI в. приведен фантастический рассказ о «великом» (большом, крупном – М. Н.) русско-татарском сражении на Свияге, после которого казанцы побежали в город и не успели в нем запереться («града затворити и осадити не успеша») а русские вошли в город (БЛДР, 2010. С. 278, 280). Конечно, сведения великокняжеского летописания о более чем 50-дневном промежутке между приходом русских войск к Казани и взятии города, с указанием точных дат выглядят более обстоятельно. Да и другие летописи не упоминают об изначально открытом для русских войск городе, наоборот, его все-таки пришлось «взять»[9]. Хотя о 52-х (или, вернее, 53-х дневной осаде, если считать днем прибытия под Казань не 18, а четверг пятой недели после Пасхи 17 мая – М. Н.) источники не сообщают. В то время как осада великокняжескими войсками Великого Новгорода в 1477/78 гг., длившаяся меньше 50 дней, в источниках обычно выглядит как осада, а не просто как взятие города. Это наводит на мысль, что вероятно осады как таковой, тем более, 7,5-недельной, не было. Кстати, по любопытному наблюдению Ю. Г. Алексеева, русские войска в этот раз не перекрывали казанцам воду (Алексеев, 2007. С. 361; Алексеев, 2009. С. 290). Скорее, стояли неподалеку и ждали, когда казанцы капитулируют и согласятся посадить на престол вместо Алегама его младшего сводного брата – Мухаммед-Эмина.

Надо иметь в виду, что отношения Алегама с казанской знатью в 1487 г. были напряженными. Согласно летописному своду 1518 г., правивший в Казани царевич меншицин сын (Алегам, сын хана Обрема от младшей жены Фатимы – М. Н.)[10], вероломно заманил казанских князей / людей[11] на пир, задумав их там «перетерять» (погубить), те бежали из города, а потом просили Ивана III снова отпустить к ним царевича Темирева внука (ПСРЛ,

---

вроде касимовских татар служилого царя Нур-Девлета? Или домысел псковского летописца, приписавшего к «царевичу» множество татар по аналогии с множеством воинов московских воевод?

[9] Согласно хронике венецианского сенатора Д. Малипьеро, 3 сентября 1488 г. два посла русского короля сообщили [венецианским властям] о том, что их король одержал победу над 120000-ой татарской конницей (Malipiero, 1843. S. 310). Исследователи обычно не сомневаются, что речь идет о недавнем взятии Казани великокняжескими войсками. В то же время, стоит иметь в виду, что Малипьеро не уточнил, о каких именно татарах шла речь, при этом не упомянул о взятии русским государем татарской столицы (а умолчание о нем, если оно имело отношение к той кампании, было бы странным при том, что вышеуказанная численность татарской конницы является сильно приукрашенной даже для Крымского ханства (Шейхумеров, 2019. С. 69–74), претендовавшего на роль правопреемника Золотой Орды). Поэтому у нас нет полной уверенности, что в своей лапидарной записи, не являющейся исчерпывающим документальным протоколом речей русского посольства, Д. Малипьеро не отметил упоминание московских послов об успехах войск Ивана III в войнах с Ордой 1470-х гг., когда летом 1472 г. великокняжеские войска не дали ордынцам удержаться на левой, московской, стороне р. Оки, а в октябре 1480 г. – помешали форсировать р. Угру.

[10] В историографии тождество этого «царевича» с Алегамом не вызвало сомнений. Только Д. А. Котляров почему-то назвал его Мухаммед-Эмином (Котляров, 2005. С. 140–141; Котляров, 2010. С. 23–24), хотя Мухаммед-Эмин, внук бия Тимира, упомянут здесь как «Темирев внук» (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 167. Примеч. 62). Также трудно согласиться с А. В. Аксановым, что хронист не знал имен «царевичей» (Аксанов, 2016. С. 91), помня, чей внук по женской линии один и кто мать другого (Несин, 2024). Наверное, книжник относился к ним свысока, титулуя их лишь «царевичами», в том числе правившего в Казани меншицина сына

[11] В своде 1518 г. это слово пропущено: в Уваровской летописи значатся некие «казанстии» (ПСРЛ, 1963. С. 318), а другие хронисты по-своему пытались это исправить, превращая их то в казанцев (ПСРЛ, 1910. С. 252; ПСРЛ, 2001. Стб. 322), то в казанских князей (ПСРЛ, 2000а. С. 236).

1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 322), то есть, Мухаммед-Эмина, внука ногайского бия Темиря по материнской линии. В данных летописях этот сюжет помещен в длинной погодной записи за 6993 г., объединяющей события разных лет включая взятие Казани войсками Ивана III, имевшее место в 6995 (1487) г. (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 322–323)[12]. В этой связи по мнению одних исследователей этот конфликт Алегама с казанской знатью произошел около 1485 г. (Бахтин, 2001. С. 185; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299; Илюшин, 2019. С. 32), а по мнению других историков он непосредственно предшествовал «Казанскому взятию» русскими войсками 1487 г. (Соловьев, 1851. С. 1418; Вельяминов-Зернов, 1863. С. 162–167. Примеч. 62; Алексеев, 2007. С. 254; Алексеев, 2009. С. 284; Аксанов, 2016. С. 91). Мнение последних нам представляется более верным, поскольку с данными летописным сюжетом перекликаются независимый рассказ австрийского посланника в Московию в первой трети XVI в. С. Герберштена о вероломстве на казанском пиру с участием хана Алегама, перед попаданием последнего в московский плен. Разве что, по версии Герберштейна, жертвой коварства, наоборот, стал сам Алегам: некие советники Ивана III, приставленные следить за ним (видимо великокняжеские атташе, наподобие русских послов в Крыму, постоянно находившиеся при ханском дворе и доносившие Ивану III о принимаемых там решениях)[13], напоили его на пиру и вывезли из города прямо в московский плен (Герберштейн, 1988. С. 170). Другое дело, что такая хитрость русских вельмож была актуальна лишь в случае неустойчивого положения Алегама в Казани. Таким образом, оба источника независимо друг от друга передают какие-то реальные слухи о шатком положении Алегама на казанском троне. А с учетом сведений С. Герберштейна о попадании Алегама после пира в московский плен, можно их предположительно отнести близко ко времени к русскому походу на Казань 1487 г., в результате которого Алегам был арестован великокняжескими воеводами.

Надо отметить, что Иван III действительно рассчитывал взять город без больших затруднений. В отличие от походов на Казань 1482 г. и XVI в. великий московский князь в

---

[12] В Львовской летописи, доведенной до 1530-х гг., рассказ о «царевичах» ошибочно помещен под 6997 (1488/89) г. а повесть «о взтьѣ казанскомъ…» – под 6998 (1490) г. (ПСРЛ, 1910. С. 252. Примеч. 1, 5). В Толстовском списке Тип XVII ст. о царевичах сообщается под 6993 г., а повесть о взятии Казани ошибочно отнесена к 6996 (1488) г. (ПСРЛ, 2000а. С. 236). При этом, согласно этому позднему источнику, меншицин сын шел за казанскими князьями с ногайцами, а другого царевича «согна с Казани», тот бежал, и рыбаки перевезли его через Волгу (там же). Вероятно, здесь искаженно передан рассказ «Казанской истории» XVI в. о свергнутом в 1521 г. Шах-Али, шедшем «в поле чисте нага, яко роженна» с московскими рыбаками (Несин, 2024).

[13] М. Г. Худяков почему-то счел их «казанцами» «русской партии» (Худяков, 1991. С. 46), а А. Г. Бахтин утверждает, что согласно С. Герберштейну, Алегам был выдан русским воеводам своими приближенными (Бахтин 2001, С. 181; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Тезис Худякова о «русской» партии», правда не выдавшей хана русским, но вынудившей его капитулировать, в качестве аксиомы без ссылки на предшественника повторил Н. С. Борисов (Борисов, 2000. С. 410). Но Герберштейн явно писал не о ханских приближенных из казанской среды, а о «советниках» «московита», «приставленных им» к хану «чтобы следить за его намерениями». В. В. Вельяминов-Зернов резонно охарактеризовал их как великокняжеских советников, «которыхъ Иванъ держалъ въ Казани, чтобы наблюдать за дѣйствіями хана» (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 169).

этот раз не отправил под Казань осадную артиллерию. Кроме того, согласно разрядной росписи, основную часть войска в этом походе, составляла судовая рать. Именно в ней было деление на 4 полка: Большой (в котором находились главные военачальники, стоявшие во главе всех участвовавших в кампании войск – князья Даниил Дмитриевич Холмский и Иосиф Андреевич Дорогобужский), Передовой, Правой и Левой рук. А «конная рать», во главе с двумя воеводами – братьями князьями Федором Хрипуном и Василием Мнихом Семеновичами Стародубскими [Ряполовскими] по прибытии к Казани должна была влиться в состав Передового полка судовой рати, возглавляемого князем Семеном Ивановичем Ряполовским [Хрипуном / Молодым, но, вероятнее всего, Молодым][14]: «В судех: В Большом полку князь Данило Дмитреевич Холмской да князь Осиф Ондреевич Дорогобужской. В Передовом полку Семен Иванович Ряполовской. В Правой руке князь Олександр Васильевич Оболенской да Иван Борисович [Бороздин][15], да князь Ондреев (удельного углицкого князя Андрея Большого – М. Н.) воевода князь Василей Никитич Оболенской. В Левой руке князь Семен Раманович Ярославской да князь Борисов Васильевича [Волоцкого] воевода князь Василей Иванович [Лущиха][16] Хованской. А в конной рати князь Федор Хрипун да брат ево князь Василей Мних Семеновичи Стародубские. А, пришед под Казань, велел им князь великий быти в Передовом полку со князем Семеном Ряполовским» (РК, 1966. С. 20–21). Таким образом, конница носила откровенно вспомогательный характер по отношению к прибывшей на судах пехоте (сойдя на берег, судовая рать, разумеется, стала пешей). Это обстоятельство не укрылось от внимания некоторых хронистов: летописный свод 1518 г.

---

[14] В XV в. в Великом княжестве Московском жили два полные тезки, князья Семены Ивановичи Ряполовские, дядя и племянник по мужской линии. Дядя по прозвищу Хрипун являлся отцом Федора Хрипуна с Василием Мнихом, а племянник Молодой, соответственно, приходился Федору и Василию двоюродным братом. Хрипуна и Молодого в источниках бывает не различить (Зимин, 1988. С. 40; Несин, 2022. С. 42, 44–45; Несин, 2022а. С. 115, 118–119; Несин, 2023. С. 97). Не ясно, кто из двух тезок князей С. И. Ряполовских в 1487 г. участвовал в походе на Казань – Хрипун (Борисов, 2001. С. 410; Волков, 2001. С. 17; Волков, 2018. С. 32) или Молодой (Зимин, 1982. С. 171; Зимин, 1988. С. 41; Алексеев, 2007. С. 357; Алексеев, 2009. С. 287). Сведения о военной службе Хрипуна не дают основания утверждать, что в большом военном походе он бы занял место среди воевод главного, Большого полка. Однако, в данном случае можно осторожно предположить, что в Передовом полку фигурирует именно Молодой: прибывшие в его распоряжение князья Федор Хрипун и Василий Мних обозначены в разрядах как братья, а об их родстве с ним не упоминается, что было бы странным, если бы речь шла об их отце. А вот двоюродный брат с большей вероятностью, чем родной отец, мог быть не указан как родственник родных братьев.

[15] В РК 1475–1605 гг. – Бороздин тверитин (тверич) (РК, 1977. С. 27). С этим можно согласиться – другой его двойной тезка, Иван Борисович Тучко Морозов, после своего ареста 1485 г. не фигурирует в источниках. По мнению А. А. Зимина И. Б. Бороздин участвовал в походах на Казань 1485 и 1487 г. (Зимин, 1988. С. 261), а Ю. Г. Алексеев отметил его участие только в одном казанском походе 1480-х гг. – 1487 г. (Алексеев, 2011. С. 218). Выводы Ю. Г. Алексеева стоит признать верными. В привлеченных А. А. Зиминым источниках (Зимин, 1988. С. 278. Примеч. 55) участие Бороздина в походе на Казань 1485 г. не упомянуто. По данным разрядов, в казанском походе 6993 (1484/1485) г. участвовали иные воеводы (Несин, 2024).

[16] В РК 1475–1605 гг. он ошибочно указан как князь Василий Иванович Лущиха Хованский Ушак (РК, 1971. С. 28). Очевидно, князь Василий Иванович Хованский Лущиха был спутан составителем этой поздней частной РК с его братом – князем Иваном Ивановичем Хованским Ушаком, впервые упомянутым в разрядах в 7008 (1500) г. в качестве второго воеводы полка Правой руки в походе на Дорогобуж (РК, 1966. С. 30; РК, 1971. С. 60).

характеризует русское войско именно как судовое, а коней, якобы, просто гнали по берегу (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). Не исключено, что это намеренное преувеличение. Но такая характеристика возникла явно не на пустом месте. Очевидно, Иван III не рассчитывал на долгое и серьезное сопротивление казанцев и на тяжелые бои русских войск с казанской конницей и делал упор на пехоту, отведя конным отрядам при ней второстепенную роль. Скорее всего, поход русского войска (которое, по независимым сведениям Псковской II, Ермолинской летописей, летописного свода 1518 г., было большим – / «множество» / «многое множество» / «многая сила» (ПСРЛ, 1910а. С. 162; ПЛ, 1955. С. 67; ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 323)), должен был, по замыслу Ивана III, в значительной мере носить демонстративный характер.

Другое дело, что казанцы оказали упорное сопротивление великокняжеским войскам. О том, что происходило под Казанью между прибытием под Казань русских войск 17 мая и взятием города 9 июля, сообщает УЛС начала XVI в. Устюжане не участвовали в походе. Вероятно, устюжский летописец опирался на рассказ иногороднего участника кампании, или великокняжеского гонца Микулы Ивановича Ангелова, приехавшего в августе на Усть-Вымь к пермскому епископу [Филофею] с вестью о взятии Казани (ПСРЛ, 1959. С. 278–279). Согласно 1-ой редакции УЛС, сохранившейся в единственном списке, списке Мациевича, «Князь великии Иван Васильевич послал рать на казанского царя Алехама, а воеводы были князь Данило Холмскои да князь Семен Ряполовскои. И пришла сила великого князя под Казань, конная и судовая. И царь казанский с своею силою с московскими людьми побився, в город побеже. А воеводы город Казань обсели (сели вокруг / осадили (Срезневский, 1902. Стб. 200, 568; СРЯ, 1987. С. 166)) и острог около города обвели. И князь тотарскии имянем Ольгаза силе великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле (открытое пространство – М. Н.)[17]. И по вся дни тотарове, из города выхотя, бились. И прииде на царя и на тотар изнеможение, и царь сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя впаде. А город взяли, и матерь цареву, и его царицу, и князей тотарских и княгинь поймали июля в 9 день, на память Пагкратия Тавромениискаго» (ПСРЛ, 1982. С. 50).

Скорее всего, именно этот упомянутый устюжским хронистом бой русского конного и судового войска с ханским воинством под Казанью потом в «Казанской истории» второй половины XVI в. превратился в великое сражение на р. Свияге, тоже окончившееся бегством ханского войска в город. Стоит учесть, что русские рати в 1524 г. разбили казанцев в бою на

[17] Слово «поле» в древнерусских источниках употреблялось в разных значениях: открытое безлесное пространство, или степь (См. Напр.: СРЯ, 1990. С. 204–205). Последнее значение в данном случае исключено, поскольку Кама протекает в лесной зоне. Устюжане, ходившие в 1460-е гг. на Казань Камой, об этом знали. О наличии в старину в западном Закамье открытых пространств свидетельствует комоним «Камские поляны».

Свияге, в 1545 и 1547 гг. грабили на Свияге казанские земли, а в 1551 г. в устье этой реки поставили крепость Свияжск. Неудивительно, что книжник второй половины XVI в. считал Свиягу знаковым местом в дальних окрестностях Казани, подходящим для решающей битвы.

Устюжский хронист не уточняет, сколько времени бился с московскими воинами казанский хан Алегам, почему бежал в город (из-за численного превосходства великокняжеского войска (Илюшин, 2019. С. 42) или потому что поздно узнал о его приближении и не успел развернуть свои войска под городом в боевой порядок?)[18] и сколько дней потом сидел в осаде. Строго говоря, не вполне ясно, что именно по версии летописца произошло 9 июля – русские войска взяли город и / или пленили членов ханской семьи и казанских князей и княгинь? Остается разве что предположить, что и то, и другое – навряд ли для севернорусского летописца аресты ханской родни и казанской знати были настолько важнее взятия Казани, чтобы их стоило отдельно датировать строго до дня, да еще с привязкой к церковному празднику, не датировав взятие города. Но тем не менее.

Интересно указание источника на то, что воеводы «обсели город» и обвели «около» него острог. Оно несколько расходится с нижеследующим указанием летописца, что татарский князь Аль-Гази прогнал русское войско в «поле» (куда-то на открытое пространство) за Каму. Тут можно домысливать, что острог был не сплошным, или настолько хлипким, что не представлял для неприятеля никакого препятствия, или русские войска часто покидали его. Но также стоит учесть, что устюжане не участвовали в этом походе и про острог знали понаслышке. И какое-нибудь ограждение вокруг русского обоза и русских шатров могли принять за острог вокруг татарской крепости. Кстати, по мнению Н. С. Борисова и О. В. Комарова острог представлял собой именно ограждение вокруг русского лагеря, а не контрвалационную линию вокруг осажденного города (Борисов, 2000. С. 410; Комаров, 2020. С. 200). Другое дело, что наречие «около» в древнерусском языке означало не «рядом», как в современном русском языке, а «вокруг» (Срезневский, 1902. Стб. 645; СРЯ, 1987. С. 332) – отсюда «окольный город», «окольный путь», «околица» – изгородь вокруг деревни. К тому же

[18] Стоит отметить, что источники не сообщают о том, когда Алегам узнал о приближении русских войск. По мнению А. Г. Бахтина и Б. Л. Хамидуллина, город заранее окружили острогом и к нему стянули союзные ногайские войска во главе с князем Аль-Гази (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Однако, УЛС начала XVI в., упомянувший о возведение острога вокруг города, как известно, приписывает сооружение острога отнюдь не казанцам, а прибывшим под Казань русским «воеводам» (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). А встречающееся в историографии мнение о наличии в отряде Аль-Гази ногайского контингента (Салиева, 2004. С. 47; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 229) не находит подтверждения в источниках (Алишев, 1995. С. 41; Несин, 2024). Наоборот, с большим основанием можно полагать, что в 1487 г. ногайские войска не участвовали в обороне Казани от русских войск. Примечательно, что, отвечая в 1489–1490 гг. отказом ногайским послам на просьбу отпустить к ним из заточения Алегама, Иван III называл его своими недругом, упоминал об участие «людей» ногайского бия Ямгурчи и бежавших в Ногайскую орду «Алегамовых людей царевых» в набеге на территории Руси и Казанского ханства, однако при этом не уличал ногайцев в оказании военной помощи самому Алегаму против своих, великокняжеских, войск (Сб. РИО, 1884. С. 83–84, 95–97).

в списке Мациевича указано, что «острог около города обвели», из чего, как отметил В. А. Волков, «ясно, что «острогом» была обведена именно татарская крепость» (Волков, 2018. С. 167. Примеч. 44)[19]. Другое дело, что поскольку устюжане не участвовали в данной кампании, сведения устюжского хрониста о расположении острога вокруг города не носили документальный характер. Вероятно, что устюжский хронист исходил из реалий летне-осеннего русского похода на Казань 1469 г. с участием устюжан, когда конная и судовая великокняжеская «сила» пришла под Казань, билась с вышедшим навстречу из города татарами, после того, как те бежали в город, стала «около» (вокруг) города и соорудила острог (ПСРЛ, 1982. С. 47, 92) / Русь стала под городом, окружив их [татар] как сильный лес (ПСРЛ, 1910а. С. 159), в нетипичном для древнерусского летописания сравнения русского войска с лесом[20] также можно видеть намек на окружение татарской столицы деревянным острогом.

Во всяком случае, надо полагать, что в 1487 г. русский лагерь не оставался неукрепленным. Ведь основу русского войска составляла пехота, достаточно уязвимая для татарской конницы. Известно, что во время судового поход на Казань 1506 г. князя Дмитрия Ивановича Жилки значительная русского пешего войска была перебита казанской конницей (об этой кампании см. Напр.: Илюшин, 2018. С. 69–76; Илюшин, 2018; Илюшин, 2021. С. 137–144). А в 1487 г. ни Аль-Гази, причинивший много зла великокняжеским войскам, ни прочие казанцы, каждый день выходившие из города и бившиеся с русскими войсками, не смогли перебить львиной доли русской пехоты: все, или почти все русские воеводы после похода на Казань остались живы. Вероятно, сложил голову только воевода удельного князя Бориса Волоцкого, второй воевода полка Левой руки князь В. И. Лущиха Хованский, который потом

---

[19] Не говоря уж о том, что в обеих редакциях УЛС сооружение острога упомянуто в контексте окружения / осады «города Казани» (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96), а не обустройства собственных станов. Видимо, поэтому историки, даже опираясь на чтение 2-ой редакции, Архангелогородского летописца: «воеводы Казань обнесли и острог около города доспели», обычно воспринимают острог как окружившую город контрвалационную линию (Соловьев, 1851. С. 1419; Базилевич, 1952. С. 203; Алексеев, 1991. С. 158; Алексеев, 2007. С. 359–360; Алексеев, 2009. С. 290; Волков, 2001. С. 17, 189. Примеч. 37; Бахтин, Хамидулиин, 2014. С. 299).

[20] Пожалуй, в русском летописании больше нет ни одного однозначного случая сравнения войска с лесом. Летописный оборот «аки борове», как правило, употреблявшийся в русском летописании XII–XIII вв. применительно к движущемуся войску, нередко понимают, как сравнение с бором, однако эта интерпретация не является единственной и бесспорной: по мнению С. М. Соловьева и Н. П. Некрасова, слово «борове» здесь обозначало боровов, самцов свиньи (историю вопроса см.: Добродомов, 1976. С. 243–244). Последняя версия является в некотором отношении менее противоречивой: лесам, в отличие от свиней, ходить не свойственно. Единственное безусловное упоминание лексемы «борове» в значении лесов – «мнози борове възгорахуся» приведено в контексте возгорания, а не движения (ПВЛ, 1996. С. 92) Поэтому образное сравнение движущихся воинов с такими массивными домашним животными, как боровы, способными сбить человека с ног, является более подходящим. Есть пример однозначного летописного сравнения движущегося войска со свиньями – дерптских немцев, которых в 1501 г. в бою под Гельмедом русские и татары били на протяжении 6 верст шестоперами «аки свинеи» (ПЛ, 1941. С. 87). Правда, в данном случае сравнивается избиение врагов ударным оружием с забоем свиней (Несин, 2020. С. 69). Сам И. Г. Добродомов, в свою очередь, полагал, что слово «борове» является тюркизмом («*бурча* ‘как тучи (пыли)’») (Добродомов, 1976. С. 244). Однако, эта гипотеза построена на допущении, что «за написанием борове скрывается более раннее **бърове* – именительный падеж множественного числа от **бъръ*, восходящего к тюркскому *бур*» (там же). С точки зрения принятого в науке принципа Бритвы Оккама, версия о сравнении движущихся «аки борови» войск с б**о**ровами менее натянута.

исчез из источников. Очевидно, судовая рать князя Д. Д. Холмского «обострожилась», как в июле 1524 г. судовая рать князя И. Ф. Бельского.

При этом северорусский хронист не акцентировал внимание на военных неудачах казанцев до капитуляции Алегама и взятия города. Даже прямо не сообщил о неудачном для хана исходе боя «с московскими людьми» под Казанью (хотя, это явно подразумевается: хан со своим войском в город не «поиде», а «побеже», что не похоже на поведение победителей, или даже сразившихся вничью). А затем Али-Гази успешно прогоняет русское войско (или, точнее, его часть) в район Камы. (Отметим, что из контекста скорее следует, что отогнано было не все войско – какая-то часть осталась под Казанью, участвуя в ежедневных боях с выходившими из города татарами, к тому же в погоне на многие десятки км от Казани до Закамья была явно задействована не пешая «судовая», а «конная» «сила»). И татары все дни сидения в городе выходили из него и бились [с неясным результатом]. Но потом хан и татары изнемогли (то ли от поражений при ежедневных вылазках, то ли от стойкости противника, то ли от нехватки продовольствия в городе – М. Н.), хан поневоле (то ли по принуждению казанцев, то ли сам не видя иного выхода – М. Н.)[21] выехал из города и сдался русским воеводам. Потом, или тогда же русские взяли город: оборот «а город взяли» можно понять двояко: тогда же город взяли, или потом город взяли, в принципе, хан мог выехать из города как перед тем, как часть русских войск вошла в город, так и после этого.

Рассказ 2-ой редакции УЛС начала XVI в., Архангелогородского летописца, более подробен. Уточняется, что «царь Аляхам» перед тем, как «побився» с неприятелем, «выехал» «из города ис Казани» (что, впрочем, очевидно из контекста процитированного выше рассказа 1-ой редакции: для того чтобы вступить в бой с прибывшим «под Казань» неприятельским войском и потом побежать в город, хан со своим войском определенно должен был выступить из города навстречу противнику – М. Н.), вышел не только со своим войском, но и со своими князьями и бился с русскими воеводами «мало»[22]. Затем в городе сидел 3 недели. Аль-гази был единственным, очевидно, из казанских «князей», кто не полез с ханом в город и отнюдь не прогнал «за Каму» русское войско, а наоборот, его самого туда прогнали. Хан не выехал, а

---

[21] А. Г. Бахтин со ссылкой на УЛС начала XVI в. почему-то заявил, что хана вынудили капитулировать сторонники московской партии (Бахтин 2001, С. 187; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Однако источники не сообщают об этом. Наоборот, согласно устюжскому летописанию, татары упорно обороняли Казань. каждый день выходя из города биться с русскими войсками, а хан капитулировал после того, как вместе с татарами изнемог в осаде (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). По великокняжескому летописанию великокняжеские воеводы смогли взять Казань больше чем через полтора месяца после прибытия к стенам города (ПСРЛ, 2004. С. 331). В этой связи, даже в том случае, если хан сдался по принуждению казанцев, о происках некой русской партии или неких сторонников Мухаммед-Эмина говорить не приходится. Казанцы в течении многих недель упорно обороняли город, и хан Алегам капитулировал уже после того как изнемог с татарами в городе.

[22] Здесь, вероятно, Архангелогородский летописец брал за основу описание русской осады Казани в сентябре 1469 г. Ср.: «выехаша из города… бишася мало» и «из города… выехал… мало побився» (ПСРЛ, 1982. С. 92, 96). То же вероятно делал при упоминании острога. Ср.: «и острог доспели» и «и острог… доспели» (там же).

«выиде» (возможно, буквально вышел пешком – М. Н.) из города в руки русским воеводам, при этом, уточняется, что конкретно «ко князю Данилу Дмитриивичю Холъмскому да ко князю Семену Ивановичю Ряполовскому» (ПСРЛ, 1982. С. 96) которые, впрочем, по сведениям обеих редакций УЛС начала XVI в. возглавляли русское войско (там же. С. 50, 96). В действительности князь С. И. Ряполовский по данным разрядов, был не первым, а вторым воеводой после князя Д. Д. Холмского и находился не в главном Большом, а в Передовом полку (РК, 1966. С. 21). Но в летописях часто бывает разноголосица – кто первый, кто второй, кто третий воевода. Видимо, иногда судили не по рангу, а по его роли в войне, или просто называли в первую очередь наиболее уважаемых князей, или самые примечательные имена. Тем более что именно под началом Ряполовского находилась русская конница, вошедшая под Казанью в состав его Передового полка.

Трудно однозначно сказать, являются ли эти подробности поздними вставками, или, наоборот, относятся к изначальному варианту устюжского летописного рассказа, а выше процитированный текст из 1-ой редакции носит вторичный, сокращенный характер. Исследователи обычно по умолчанию опираются на версию 2-ой редакции, согласно которой «за Каму» был отогнан казанский князь Аль-Гази, даже в тех случаях, когда дают ссылку на известия обеих редакций (Бахтин, 2001. С. 187; Волков, 2001. С. 17, 189. Примеч. 37; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299; Волков, 2018. С. 32, 177. Примеч. 44; Аксанов, 2022. С. 485).

Пожалуй, попытался сопоставить обе редакции лишь Ю. Г. Алексеев. Рассказ Архангелогородского летописца он счел первичным, а списка Мациевича – «вторичным», «сокращенным» (Алексеев, 2007. С. 359–360; Алексеев, 2009. С. 290). Имя Аль-Гази, по его мнению, было точнее передано именно Архангелогородским летописцем: «Алгазы», а не «Олгаза», как в списке Мациевича. (Алексеев, 2007. С. 359; Алексеев, 2009. С. 290). Хотя, для ученого это не было принципиальным аргументом в пользу первичности его рассказа. И действительно, это не слишком существенное разночтение. Тем более, что 1-ая редакция УЛС начала XVI в., в отличие от 2-ой сохранилась, в единственном списке Мациевича, в то время как в одном из 3-х имеющихся в научном обороте списков Архангелогородского летописца содержится значительно более неудачное чтение «Вагазыи» (ПСРЛ, 1982. С. 96, примеч. 85). Но главное, что версию списка Мацеевича о том, что Аль-Гази прогнал русское войску за Каму, Ю. Г. Алексеев почему-то объявил «явной ошибкой» и на этом основании признал более ранним и достоверным рассказ 2-ой редакции УЛС начала XVI в. –Архангелогородского летописца (Алексеев, 2007. С. 360; Алексеев, 2009. С. 290). Однако, ошибочность версии списка Мациевича, что Аль-Гази погнал противника «за Каму», а не наоборот, нам, в свою очередь, не кажется очевидной. Тем более, что и Архангелогородский летописец не отрицает что тот причинил русским войскам много зла. Даже если принять версию, что Альгази его

прогнали «за Каму», то его преследовали на много десятков километров, что не является очень заурядным явлением. А такой серьезный противник, вероятно, мог и сам в какой-то момент часть русских войск далеко прогнать. Тем более, что в погоне на десятки километров могли быть задействованы только конники, которые в этом походе не составляли основу русского войска, играя вспомогательную роль при пехоте. Конечно, один казанский князь не мог выпить море – истребить все большое русское войско, но мог обратить в бегство небольшую русскую конницу (или ее существенную часть), после чего пехоте оставалось держать оборону в укрепленном лагере.

Заметим, что фраза 1-ой редакции УЛС: «князь тотарскии имянем Ольгаза силе великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле» (ПСРЛ, 1982. С. 50) звучит более грамотно, чем чтение Архангелогородского летописца: «Един князь тотарскии имянем Алгазы со царем в город не полезл; тот зла много чинил [силе][23] великаго князя, а после того князя сила великаго князя прогна за Каму в поле» (ср: ПСРЛ, 1982. С. 96). Такое впечатление, что последняя фраза представляет собой нескладно расширенный вариант первой: из чтения Архангелогородского летописца даже не вполне ясно, кто на ком стоял – кто кого «прогна за Каму в поле». Только потому что «сила великаго князя» указана в именительном падеже, можно догадаться, что по версии Архангелогородского летописца «прогна» она, а не ее. Думается, что первичное чтение содержится именно в списке Мациевича, а Архангелогородский летописец небрежно расширил фразу 1-ой редакции и изменил исход противостояния с Аль-Гази на более лестный для русских войск. Создается впечатление, что Архангелогородский летописец подчеркивал успехи победителей – и Алегам с ними бился «мало», и даже единственного татарского князя Аль-Гази, не укрывшегося за городскими стенами, прогнали в поле за Каму (там же).

Зато тот же Ю. Г. Алексеев признал трехнедельный срок сидения хана в городе, указанный в уникальном известии Архангелогородского летописца, сильно преуменьшенным даже с поправкой на то, что русские войска воевали в поле и строили острог (Алексеев, 2007. С. 360; Алексеев, 2009. С. 291), хотя эта поправка явно излишняя, поскольку постройка острога и бои с Аль-Гази были после бегства хана в Казань, то есть, уже во время трехнедельного сидения хана в городе. Таким образом, достоверность и первичность всех уникальных известий Архангелогородского летописца по сравнению с более кратким рассказом списка

[23] В 2-х из 3-х списков 2-ой редакции УЛС это слово пропущено. Добавлено оно лишь в позднем списке «П» XVIII ст. являющемся копией списка «Л» (там же. С. 96. Примеч. 86). То есть, для Архангелогородского летописца характерен пропуск данного слова. Лишь один поздний переписчик при копировании текста более раннего списка «Л»» исправил эту ошибку. Пропуск лексемы «силе» также заметил В. В. Вельяминов-Зернов и перевел ее на современный русский язык, как «войскам» (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 163. Примеч. 62).

Мациевича далеко не очевидна и последний надо учитывать при реконструкции событий, связанных со взятием Казани войсками Ивана III в 1487 г.

О том, что преимущественно пешее русское войско испытывало под Казанью существенные трудности, говорит тот факт, что согласно разрядам, Иван III определенно пришел к выводу о необходимости прислать «х Казани» «на помочь воеводам» целых два конных отряда под командованием князя Василия Федоровича Шуйского и Дмитрия Ивановича Киндерева и лишь один судовой отряд во главе с князем Иваном Васильевичем Ромодановским (РК, 1966. С. 21). Скорее всего, казанский князь Аль-Гази прогнал небольшую русскую конницу (или ее часть) за Каму, а судовая рать во главе с князем Д. Д. Холмским укрылась в укрепленном лагере под Казанью, что спасло ее от участи судовой рати князя Д. И. Жилки и благодаря этому она выдержала ежедневные бои с выходившими из города казанскими отрядами. Ивану III пришлось прислать ей на подмогу три отряда, преимущественно конных, для эффективного отражения атак татарской конницы. В результате Казань впервые в истории была взята русскими войсками. В этой связи стоит учесть, что с момента отправки гонца в Москву с вестью о бегстве русской конницы до прибытия под Казань конно-судового подкрепления прошло порядка 46 дней: весной 1487 г. конно-судовые войска Казани шли 35 дней, а весть взятии Казани 9 июля гонец принес в Москву 11 дней спустя, 20 числа. Или немного больше 46 суток, если подкрепление было отправлено не в первый день. При том, что с прибытия великокняжеских сил под Казань 17 мая до взятия города 9 июля прошло 53 дня, напрашивается вывод, что казанцы сдались вскоре после появления под стенами города свежих русских сил. Было ли это совпадение случайным, или прибытие к противнику конного подкрепления не оставило уставшим казанцам надежд разбить, или измотать неприятелей в ходе ежедневных боев?

Таким образом, следует признать, что Иван III поначалу совершил ошибку, не рассчитывая на серьезное сопротивление казанцев и послав брать Казань преимущественно пешее войско. Вместе с тем, он сумел ее исправить, прислав своим выводам в помощь два дополнительных конных отряда. А, кроме того, он изначально поставил во главе своих войск достойных военачальников, сумевших продержаться до прибытия подкрепления, несмотря на ежедневные бои с казанцами. В результате цели организованного Иваном III военного похода на Казань, хоть и не быстро, были достигнуты – великокняжеские воеводы взяли Казань и посадили на престол Мухаммед-Эмина. Между тем, стоит иметь в виду, что казанцы достаточно упорно сопротивлялись. Казань пала через 53 дня после прибытия под нее великокняжеских войск. Казанцы каждый день выходили из города биться с противником, а капитулировали уже в состоянии изнеможения. Поэтому, какие бы у Алегама не были сложные отношения с казанской знатью, но в 1487 г. она явно не «норовила» великокняжеским

воеводам и не поддерживала московского ставленника Мухаммед-Эмина. Поэтому существующая до сих пор в историографии версия о наличии в 1487 г. в Казани некой промосковской партии сторонников Мухаммед-Эмина нам кажется ошибочной[24]. Возможно, что она основана не только на отмеченных нами выше вольных трактовках источниках, когда упомянутые С. Герберштейном великокняжеские советники изображаются в историографии ханскими приближенными, а из рассказа устюжского летописания о ежедневных боях казанцев с русскими войсками и вынужденной капитуляции Алегама после того, как он с татарами изнемог, делается вывод о том, что его заставила сдаться промосковская партия. По мнению А. В. Аксанова, исследователи также исходят из перечня «Алегамовых людей царевых», бежавших в Ногайскую Орду (Аксанов, 2022. С. 485) – Аль-Гази (того самого летописного татарского князя, или просто его тезки? – М. Н.), Тевекеля-Сеита, Касима-Сеита, Бегиша с сыном Утяшем. Однако, стоит учесть, что согласно посольской документации, Иван III в то лето проводил весьма жесткую политику по отношению к казанцам – его люди арестовали даже послов Алегама – улана Бахтеяра и Мангуша, которые прибыли в Москву для проведения мирных переговоров (Сб. РИО, 1884. С. 64–65)[25]. В этой связи, людям Алегама далеко не обязательно было быть его ярыми приверженцами, чтобы желать после взятия города русскими войсками избежать плена.

---

[24] Впрочем, некоторые современные исследователи полагают, что версия о существовании в XV в. русской и восточной партий казанской знати не находит опоры в источниках и предпочитают говорить о сторонниках и противниках того или иного Чингисида (Моисеев, 2013. С. 24–25; Илюшин, 2019. С. 31–32; Аксанов, 2022. С. 485–486). Другое дело, что в середине 1480-х гг. борьба между приверженцами Мухамед-Эмина и Алегама не отразилась в источниках, скорее, каждый из этих ханов по разным причинам настраивал казанцев против себя, что позволяло им в 1484/85 и 1486 г. сменять друг друга на троне фактически без боя (Несин, 2024). В 1487 г. в Казани не прослеживается деятельность каких-либо приверженцев Мухаммед-Эмина, а город сдался великокняжеским войскам после длительного сопротивления. Поэтому судя по всему далеко не все сторонники «партийного деления» казанской знати XV в. пишут о них применительно к «Казанскому взятию» 1487 г. С. Х. Алишев, писавший о восточной и промосковской партиях, а также В. А. Волков и Х. Б. Салиева, считавшие Мухаммед-Эмина ставленником или знаменем промосковской партии, тем не менее в 1487 г. не упоминали ни о каких казанских сторонниках Москвы / Мухаммед-Эмина и их влиянии на капитуляцию города (Алишев, 1995. С. 38–42; Салиева, 2004. С. 43–45, 47–48; Волков, 2004. С. 19, 24; Волков, 2018. С. 25, 31–32).

[25] А. Г. Бахтин и Б. Л. Хамидуллин почему-то считают, что они были отправлены Алегамом в Москву до прибытия русских войск под Казань (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 229). Однако, источник об этом не сообщает. Наоборот, судя по контексту, они «пріѣхали» в Москву и «впали въ руки» (были пленены) скорее всего не весной, а в середине – второй половине лета. Об их пленении сообщается наряду с пленением казанского хана Алегама. Кроме того, с ними приехал и был арестован Тевекель, «человекъ» крымского вельможи Баба-Шиха, который почему-то так не хотел возвращаться в Крым, что был готов подвергнуться аресту в Москве и представился казанским послом. В документации августовского посольства в Крым Тевекель не фигурирует. Надо полагать, что Иван III установил его личность уже осенью, незадолго до отправки 23 октября в Крым послом Д. В. Шеина и отправил его к крымскому хану Менгли-Гирею вместе с ханскими послами, уланом Тевекелем и Лухбердей-дуваном, о чем Шеину было велено от имени Ивана III сообщить хану по прибытию в Крым (Сб. РИО, 1884. С. 64–65). Едва ли Ивану III понадобилось для разоблачения Тевекеля много месяцев. Поэтому скорее всего послы Алегама Бахтеяр-улан с Мангушем отбыли в Москву не раньше прибытия великокняжеских войск под Казань во второй половине мая и были арестованы в Москве летом. А осенью Иван III установил личность прибывшего с ними под видом казанского посла крымца Тевекеля.

Заметим, что Алегам был пленен в день взятия города 9 июля. Великокняжеское летописание и летописный свод 1518 г. сообщают, что 20 июля / на Ильин день к Ивану III из примчался из Казани князь Федор [Семенович] Хрипун Ряполовский с вестью о падении Казани и пленении хана (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 323; ПСРЛ, 2004. С. 331)[26]. По сведениям великокняжеского летописания, наиболее обстоятельно перечислявшего пленных и ссыльных членов ханской семьи, воеводы Ивана III захватили казанского хана Алегама с матерью [Фатимой], царицей [Каракуш], двумя братьями [Мелик-Тагиром и Хуйдай-Кулом], сестрой [Гаухаршад] и его князьями и привели в Москву (ПСРЛ, 2004. С. 331). Вологодско-Пермский летописец конца XV в. или рубежа XV-XVI вв. уникальное упоминание двух пленных князей Чеботаевых детей (Клосс, 1976. С. 270).

Вероятно, аресты казанской знати заняли несколько дней, а до середины июля князь Д. Д. Холмский сотоварищи определенно не стали распускать войска из-под Казани для отправки в Москву пленников, поскольку согласно Тверской летописи лишь 14 июля на память Св. Апостола Акилы, то есть, уже 5 дней спустя после взятия города[27], возвели на трон Мухаммед-Эмина и с ним в качестве великокняжеского наместника посадили Д. В. Шеина (ПСРЛ, 1863. Стб. 500). (Должность великокняжеского наместника, по-видимому, не была характерна для Казанского ханства даже после установления в 1487 г. московского протектората. Весной 1505 г. Иван III экстренно отправил в Казань не наместника, а посла М. Кляпика с И. Блеклым «не потакать» «неким делам» / «всем речем» (от которых узнал не от своего наместника, а от хана Мухаммед-Эмина), а когда 24 июня Мухаммед-Эмин пошел на разрыв отношений с Москвой, то арестовал не наместника, а этих русских послов и перебил русских купцов (ПСРЛ, 1978. С. 8)[28]. Стоит учесть, что великокняжеского наместничества при Иване III не было даже в

---

[26] Точнее, к Ильину дню в своде 1518 г. непосредственно привязано солнечное затмение, а приезд Хрипуна с вестью о взятии Казани и пленении хана датирован тем же днем. То ли потому, что «гибель солнца» произошла раньше, то ли потому что произвела на составителя летописной повести более сильное впечатление. Великокняжеский хронист, напротив, умалчивает о случившемся в этот день солнечном затмении. Другое дело, что оба источника датируют прибытие в Москву Хрипуна одним и тем же днем и сходно передают содержание его донесения. На это обстоятельство, пожалуй, обратил внимание еще В. Н. Татишев, который скомпилировал текст погодной записи Ник за 6995 (1487) г. с известием Львовской летописи. о «гибели» солнца, не дав при этом характерную для свода 1518 г. привязку к церковному празднику, а приведя указанную в великокняжеском летописании календарную дату (Татищев, 1996. С. 74)

[27] Н. С. Борисов полагает, что первый воевода, князь Д. Д. Холмский, нарочно выбрал для этого годовщину своей победы в Шелонской битве 14 июля 1471 г. (Борисов, 2000. С. 410). Однако, не ясно, нарочно так совпало, или случайно. Ясно одно: данное известие Тверской летописи приводит именно дату посажения в Казани нового хана и наместника (14 июля), а не взятия города (9 июля). Возможно, тверской летописец просто считал наиболее значимым итогом кампании возведение на казанский трон ставленника «государя «всея Руси Московского», ради чего, собственно говоря, великокняжеские войска и «вз(я)ли» Казань.

[28] Трудно в этой связи согласиться с неаргументированными утверждениями С. Х. Алишева и А. Г. Бахтина о постоянном проживании в Казани неких великокняжеских советников / представителей русского правительства (Алишев, 1995. С. 48; Бахтин, 1998. С. 63; Бахтин, 2001. С. 189; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 300). Более того, в обстоятельном рассказе летописного свода 1518 г. о захвате Казани сибирским ханом Мамуком осенью 1496 г. никакие русские вельможи не фигурируют ни в числе бежавших в Москву с Мухаммед-Эмином и его царицей казанских князей, ни среди арестованных и ограбленных Мамуком казанцев (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001.

Мещерском юрте, который, в отличие от вассального Казанского ханства, не считался отдельным «царством» и находился на территории великокняжеской земли (Несин, 2016. С. 191–192; Несин, 2017. С. 398–404; Несин, 2018. С. 111–116). Скорее всего, назначение Д. В. Шеина наместником в Казани было исключительной мерой, вроде отправки в Рязань в 1456 г. московских наместников вместо 8-летнего князя, связанной с малолетством Мухаммед-Эмина. Поскольку после «Казанского взятия» 1487 г. Казанское «царство» попало в данническую зависимость от русских государей (Бахтин, 2001. С. 190[29]; Илюшин, 2022. С. 80) а также должно было выплачивать какие-то пошлины (См. напр.: Котляров, 2005. С. 148–149; Котляров, 2010. С. 25; Илюшин, 2022. С. 79)[30], возможно, что главная задача нового

Стб. 347–348). Заметим также, что отправленные Иваном III в Казань весной 1497 г. воеводы князья С. Д. Холмский и Ф. И. Палецкий «посадити в Казани на царство» следующего назначенного им хана, Абдул-Латифа (ПСРЛ, 1959. С. 218), после того как возвели на престол московского ставленника к привели к шерти (присяге) великому князю казанцев (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001. Стб. 349), долго в Казани не задерживались – уже этим летом первый из двух вывод, князь С. Д. Холмский был отправлен Иваном III на р. Нарву во главе войск, сопровождавших русское посольство на переговоры с Ливонским Орденом (РК, 1966. С. 28). По мнению С. Х. Алишева, функции советников в 1500 г. при следующем назначенном Иваном III казанском хане, Абдул-Латифе, исполняли находившиеся в Казани во время ногайского набега русские воеводы князья М. Ф. Курбский Карамыш и П. С. Ряполовский Лобан (Алишев, 1995. С. 48). Но это не находит подтверждения в источниках. Более того, оборону города от ногайцев возглавил Абдул-Латиф (Иосафовская, 1957. С. 141) а не помогавшие ему великокняжеские воеводы, которые таким образом, даже в военное время формально не возглавляли казанские вооруженные силы. Поэтому навряд ли они были уполномочены Иваном III указывать его новому ставленнику на казанском троне как править государством (Ср.: Алишев, 1995. С. 48).

[29] Другое дело, что далеко не все привлеченные А. Г. Бахтиным материалы надежно свидетельствуют об этом. Навряд ли стоит уверенно соотносить с Казанским ханством сведения турецкой рукописи о русско-крымских отношений и неверифицируемого известия В. Н. Татищева – о русско-ордынских (ср.: там же). Кроме того, Бахтин некритически ссылается на приведенные Татищевым слова жены Мухаммед-Эмина по имени «Урбеть», что тот служит великому князю и платит дань (Татищев, 1996. С. 98). Однако, Татищев опирался на туманное известие «Казанской истории» о том, что словам своей жены, этот «царь казанский» «словетъ раб его [великого князя] во всѣхъ земляхъ» (БЛДР, 2000. С. 278), дополнив этот сюжет собственными вымыслами. Так, непонятное рабство казанского царя Татищев произвольно расшифровывал как обязанность платить дань. А казанская царица Каракуш, имя которой «Казанской истории» не указано, а известно из недоступной Татищеву посольской документации (Сб. РИО, 1884. С. 536, 538), как отмечено в опубликованном в настоящем издании работе Л. Н. Яряева, приобретает у Татищева вымышленное имя Урбеть. Таким образом, данное т. н. «татищевское известие» представляет собой художественный вымысел, а не надежное свидетельство о даннической зависимости Казанского царства от государя всея Руси. Другое дело, что привлеченные А. Г. Бахтиным незамеченные предшественниками свидетельства посольской документации второй трети XVI ст. о том, что Иван IV имел «свои» «оброки» с «Казанских мест», а деду и отцу Ивана IV (то есть Ивану III и Василию III – М. Н.) «изстари с Казани дань давали» определенно свидетельствуют о том, что со времен Ивана III после 1487 г. Казанское ханство платило дань великим московским князьям. Появление этой традиции при Василии III крайне маловероятно, поскольку ему иногда удавалось разве что восстанавливать в русско-казанских отношениях статус кво, а не существенно усиливать зависимость Казани от Москвы.

[30] М. Г. Худяков считал, что «в дипломатической переписке речь шла не о какой-либо подати в московскую казну с казанских волостей, а о таможенных пошлинах, которые русскими пограничными чиновниками взимались с казанцев в Нижнем и Муроме с излишком против установленного тарифа, и это обстоятельство заставляло как цивильских жителей, так и прочих казанских людей ездить с товарами через мордовскую и черемисскую земли, минуя русские города и избывая пошлины, и из-за чего и возникла самая переписка» (Худяков, 1991. С. 50). Но в действительности упоминания сборов таможенных пошлин в Нижнем Новгороде и Муроме и сборов неких пошлин Федором Киселевым на рр. Цивили и Алныше никак в посольской документации между собой не связаны (ПК, 1984. С. 27, 31). Более того, на р. Цивили эти некие пошлины были взяты Ф. Киселевым не с торговцев, а с десятников Артака и Багатура (там же. С. 31), то есть, с десятных князьков, вунпӳ. Действовал Ф. Киселев на территории современной Чувашии, на которой, как известно, находится р. Цивиль. Вторая р., «Алныш», до сих пор не локализована исследователями. Возможно, это р. Аниш, правьй приток Волги, протекающий в Чувашии недалеко от Цивили. Отметим, что берегами Цивили и Алныша (Аниша?) территория

наместника заключалась в организации составления писцового описания территории ханства. Вероятно, Шеин справился с этим в течении квартала. Уже 23 октября он был отправлен послом в Крым (Сб. РИО, 1884. С. 62). Вероятно, при возведении на престол Мухаммед-Эмина 14 июля 1487 г. великокняжеские воеводы приводили казанцев к шерти (присяге) Ивану III, как это делали в мае 1497 г. другие воеводы Ивана III при посажении в Казани следующего московского ставленника, Абдул-Латифа (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001. Стб. 349).

По неаргументированному мнению А. Г. Бахтина, при Мухаммед-Эмине под Казанью был оставлен воинский отряд для «бережения» (Бахтин, 1998. С. 63; Бахтин, 2001. С. 189; Бахтин, Хамидулиин, 2014. С. 300). Однако, это не находит подтверждения в источниках. Более того, как показывают обстоятельно описанные в летописном своде 1518 г. события весны-лета 1496 г., в Казанском ханстве не было постоянного русского воинского отряда, способного защитить Мухаммед-Эмина не только от сибирско-ногайского войска сибирского хана Мамука, но от собственных казанских князей, которые вплоть до приближения присланного Иваном III из Руси войска князя С. И. Ряполовского, беспрепятственно «чинили измену» своему хану. И лишь «слышав» (получив весть) об идущем к городу русском войске, бежали из Казани к Мамуку (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001. Стб. 347). Летом 1505 г. когда Мухаммед-Эмин, разрывая отношения с Москвой, арестовывал и избивал находившийся в Казани русских людей – послов и купцов, там также не было никакого русского гарнизона[31]. Поэтому думается, что все участвовавшие в казанском походе 1487 г. великокняжеские воеводы в конце августа вернулись на Русь, приведя в Москву пленных казанцев – членов ханской семьи и представителей знати.

Летописный свод 1518 г. упоминает, что пленного казанского хана [Алегама][32] доставили в Москву в четверг за неделю до Гопожина дня и поселили в московском Кремле

сбора пошлин в великокняжескую казну явно не ограничивалась – в своем послании к Ивану III Мухаммед-Эмин упомянул эти реки исключительно в качестве обозначения мест злоупотреблений русского сборщика пошлин Ф. Киселева (там же). В свою очередь Иван III видимо считал, что его сборщики пошлин вправе брать с населения вассального ханства дополнительные поборы при условии, что не будут применять силу: в ответном послании Мухаммед-Эмину он ограничился обещанием разобраться, «учинил» ли Ф. Киселев по отношению к цивильским жителям «силу» (там же. С 33).

[31] Единственным исследователем, пытавшемся обосновать наличие в Казани русского военного гарнизона, является С. К. Свечников. Ученый ссылается на сведения источников о пребывании в Казани 2-х вышеупомянутых русских воевод во время ногайского набега 1500 г. (Свечников, 2014. С. 79). Однако, источники не упоминают о постоянном проживании этих воевод в городе. Не исключено, что их небольшое войско, названное в источниках «немногими», «малыми» людьми (Иосафовская, 1957. С. 141; ПСРЛ, 1959. С. 294) было силами быстрого реагирования, в задачу которого входило прибыть к Казани раньше противника.

[32] Стоит отметить, что в тексте данной летописной повести «о взятьи Казанском от великого князя Ивана» все основные персонажи фигурируют без имен – сам великий князь, имя которого указано только в заголовке, его воеводы, казанский «царевич», а также плененный казанский «царь» и митрополит (ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 322–323). По имени названы только князь Федор Хрипун Ряполовский, принесший из Казани весть о взятии великокняжескими взятии города и пленении хана в день солнечного затмения, а также вятский воевода Костя и великокняжеский воевода Юрий Шестак Кутузов, посланный великим князем «на вятчан» и «умирившийся» с ними (ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). Едва ли тут дело именно в незнании имен

на дворе князя Даниила Александровича Ярославского (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). К какой календарной дате это относится? На Руси отмечали два Госпожина дня – Успения и Рождества Богородицы, 15 августа и 8 сентября. Соответственно, четверг за неделю до первого праздника в 1487 г. приходился на 9, а до второго — на 31 августа. Н. С. Борисов относит доставку хана в Москву к 9 числу (Борисов, 2000. С. 411). Однако притом, что весной русские войска добирались до Казани целых 5 недель, вряд ли они привезли хана из Казани уже через месяц после его пленения. Тем более, что, по крайней мере, до середины июля князь Д. Д. Холмский сотоварищи не стали распускать войска из-под Казани для отправки в Москву пленников, поскольку только 14 числа возвели на престол нового хана Мухаммед-Эмина и поставили при нем наместника Д. В. Шеина. Таким образом, доставку Алегама в Москву стоит датировать четвергом 31 августа, за 8 дней до второго Госпожина дня, праздника Рождества Богородицы. Этой дате, казалось бы, противоречит данный Иваном III 10 августа наказ своему посланцу в Крым Беляку Ардашеву сообщить крымского хану Менгли-Гирею и его супруге Нур-Салтан о том, что Алегама с его родственниками и князьями уже «къ намъ привели» (Сб. РИО, 1884. С. 61–62). Впрочем, московский посланец должен был прибыть в Крым не раньше сентября, а к тому времени Алегама уже действительно доставили в Москву.

Видимо уже практически сразу по прибытию Алегама в Москву 31 августа участь его и его семьи, а также пленных казанских князей была решена. Великокняжеское летописание под тем же 6995 г. сообщает, что Иван III казнил смертью князей и уланов, и прочих крамольников (то есть, объявленных им беззаконниками, мятежниками, очевидно, за то, что они не признавали власть его ставленника на казанском престоле Мухаммед-Эмина и в 1486 г. пригласили занять трон Алегама – М. Н.), а Алегама с царицей послал «в заточение»» в Вологду, а мать, братьев и сестру[33] отправил «в заточение на Белоозеро в Карголом» (ПСРЛ,

(ср.: Аксанов, 2016. С. 91). Автор данной летописной повести был скорее всего современником тех событий и представителем кремлевского духовенства – скупо описывая события, происходившие за пределами Москвы, он твердо знал даты прибытия в Москву вести о взятии Казани (и имя гонца) а также доставки пленного хана в Москву и на чьем именно кремлевском дворе был поселен пленный хан (ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). Соответственно, по крайней мере, имена митрополита и пленного казанского хана он должен был знать. Просто не стал называть.

[33] Во всех источниках, содержащих рассказ великокняжеского летописания о взятии Казани войсками Ивана III 9 июля 1487 г. упоминается, что при взятии города в числе родственников казанского хана Алегама была захвачена в плен его сестра (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962. С. 288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000а. С. 526; ПСРЛ, 2000 а. С. 205; ПСРЛ, 2004. С. 331; ПСРЛ, 2007. С. 272). В то же время, если, сообщая о ссылке ханской родни в Карголом, сокращенный летописный свод 1493 г., Тип, Прилуцкая, Симеоновская, Иосаофская летописи (Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1962.С. 288; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000а. С. 205; ПСРЛ, 2007. С. 272), тоже упоминают одну сестру, то в некоторых памятниках – сокращенном летописном своде 1495 г., ВП, НЛД, Вск и Ник летописях среди сосланных в Карголом родственников Алегама сфигурируют сестры во мн. ч. (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 219; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962.С. 359; ПСРЛ, 2000. С. 527). Поэтому со времен В. Н. Татищева, переписавшего рассказ Ник (Татищев, 1966. С. 74–75), ряд историков (хотя не все: ср.: Волков, 2001. С. 17; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. С. 32; Котляров, 2010. С. 24) пишет о наличии у Алегама не сестры, а сестер. Однако это чтение, на наш взгляд, стоит считать ошибочным – не могли при взятии Казани арестовать одну

1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962. С. 288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000. С. 526–527; ПСРЛ, 2000а. С. 205; ПСРЛ, 2007. С. 272) – современный хутор Карголом в восточных окрестностях г. Белозерска[34]. При том, что год в то время на Руси заканчивался 31 августа, а великокняжеский хронист не был склонен объединять в погодной записи события разных лет, надо полагать, что в конце августа 1487 г. Иван III уже принял решение, как поступить с пленниками, а в ближайшие дни, в начале сентября, приговор привели в исполнение – казанцы казнены, а ханская семья отправлена из Москвы в ссылку в Вологду и в Карголом[35]. Интересно, что деревянная крепость

сестру, а в ссылку отправить двух, или нескольких. Поэтому надо отдать предпочтение первому варианту, со ссылкой в Карголом не сестер, а сестры. Других сведений о наличии у Алегама и Мухаммед-Эмина более одной сестры нет. Наверное, она была единственной.

[34] Большинство исследователей считает Карголом волостью восточнее Белозерска и расположенным в восточных окрестностях Белозерска одноименным хутором (Копанев, 1951. С. 7, 167; Кучкин, 1984. С. 332; Аверьянов, 2001. С. 168–169; Аверьянов, 2018. С. 179; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. 32; Зайцев, 2016. С. 129; Зайцев, 2017. С. 196; Черкасова, 2017. С. 19, 37). В то же время, по мнению некоторых ученых, Карголом соответствовал современному г. Белозерску, а возведенный в 1488 г. по воле Ивана III в Карголоме новый город в 10 верстах от старого – это современный белозерский кремль, построенный к западу от старого города, располагавшегося в верховьях р. Шексны **(**Шаров, Хворостова, 1996. С. 82–83, 88; Захаров, 2001. С. 180–184. Захаров, 2004. С. 99; Грязнов, 2019. С. 28–31*)*. Первая версия нам кажется более предпочтительной. В ходе археологических изысканий на территории городка в истоке р. Шексны не было обнаружено ни одного предмета позднее XIV в., а не позже первой половины XIV ст. территория города значительно уменьшилась (см. Напр.: Захаров, 2001. С.171–172; Захаров, 2004. С. 94–95). По наблюдениям того же С. Д. Захарова, согласно актовому материалу, в XV в. она воспринималась окрестным наделением как Средний погост, а не как город (Захаров, 2001. С. 174–175; Захаров, 2004. С. 99–100). Поэтому к концу XV ст. это заброшенное поселение могло считаться разве что городищем, а отнюдь не старым городом. О переселении с него в 6996 (1488) г. населения в новый город тем более говорить не приходится (Ср.: Грязнов, 2019. С. 29–31). Что касается укреплений на территории современного Белозерска, то нынешние валы белозерского кремля не были точно датированы в ходе археологических изысканий, а вопрос о времени появления на его месте первых фортификационных сооружений остается дискуссионным (ср.: Шаров, Хворостова, 1996. С. 86–88; Захаров, 2001. С. 179–181). В то же время никто из исследователей не отрицает возможность существования здесь укреплений в XIV в. Потому в конце XV в. белозерский кремль больше подходит на роль «старого» города, чем заброшенное к тому времени не менее ста лет городище в верховьях Шексны. А поскольку никем не было приведено надежных свидетельств источников о распространении территории волости Карголомы западнее современного Белозерска, а для источников в XV в. не было характерно называть Белоозеро Карголомом, то надо полагать, что употребленный в летописных известиях за 6995 (1487) и 6996 (1487/88) о ссылке семьи Алегама и о постройке нового города нетипичный оборот «на Белоозере в Карголоме» обозначал не само Белоозеро, а расположенное в непосредственной близости от него поселение Карголом. Именно там, в нескольких км к востоку от современного белозерского кремля, скорее всего была возведена в 1480-х гг. новая деревянная крепость, в которой были заключены мать, сестра и два брата пленного казанского хана Алегама. К XVI в. эта карголомская крепость уже была привычным сооружением в окрестностях Белоозера. Поэтому УЛС начала XVI в. в погодной записи за 6897 (1389) г. даже упоминает на Белоозере, на территории Белозерского княжения, две крепости – Каргополь и Карголом (ПСРЛ, 1982. С. 37, 79), что применительно к реалиям XIV в. «вызывает сомнения, так как в других источниках упоминаний о существования Каргополя в это время нет», равно как и не имеется «данных и о вхождении этого района в состав Белозерского княжества» (Захаров, 2001. С. 173; Захаров, 2004. С. 98). Другое дело, что построенная в 1480-х гг. по распоряжению Ивана III крепость в Карголоме в XVI ст. воспринималась на Русском Севере как один из важнейших «городков» Белозерья.

[35] Ермолинская летопись, Вологодско-Пермский летописец конца XV в. / рубежа XV–XVI вв., УЛС начала XVI в. независимо от великокняжеского книжника датируют заточение Алегама в Вологде тем же 6995 (1487) г. (ПСРЛ, 1910а. С. 162; Клосс, 1976. С. 270; ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). Лишь летописный свод 1518 г. отнес отправку в Вологду пленного казанского царя уже к «зиме» 6996 (1487/88) г. (ПСРЛ, 1963. С. 319; ПСРЛ, 2001. Стб. 324). Однако, здесь она фигурирует в контексте других зимних репрессий против многих новгородцев и 3-х лиц, связанных с составлением духовной грамоты удельного князя Андрея Меньшого. Вероятно, хронист отдал приоритет тематическому, а не хронологическому порядку изложения событий. Так, массовая депортация новгородцев возможно, на самом деле, имела место не в 6996, а в 6997 (1488/89) г. Владимирский летописец тоже

«на Белоозере в Карголоме» по летописным данным была возведена по распоряжению Ивана III уже в 6996 (1 сентября 1487 / 31 августа 1488) г. (ПСРЛ, 1901. С. 219; Зимин, 1950. С. 35; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1962. С. 288), однако, сомнительно, что обоих братьев Алегама отправили в заточение в совершенно неукрепленное место – в противном случае нельзя было гарантировать, что их внезапно не захватит какой-нибудь «изгонный» ногайский отряд и не использует в качестве кандидатов на Казанский престол. 6 января 1481 г. ногайские отряды биев Ямгурчи и Мусы вместе с войском тюменского царевича Ибака «безвестно» пришли к ставке большеордынского хана Ахмата (ПСРЛ, 1982. С. 95), зимой 1536 / 1537 г. ногайский контингент участвовал в казанском походе на Русь, в ходе которого казанский хан Сафа-Гирей внезапно, как змея, вынырнувшая хвороста, 15 января 1537 г. из леса пришел под Муром; в конце 1540 г. ногайский отряд принимал участие в другом внезапном казанском набеге на Муром (ПСРЛ, 1965. С. 25, 38; Несин, 2019. С. 448, 457). Не думаем, что после того, как в 1468 г. казанский отряд безнаказанно сжег севернорусский городок Кичменгу, Иван III стал бы испытывать судьбу, оставляя надолго обоих ссыльных казанских царевичей жить на территории современной Вологодской области вне крепости. Известно, что Алегам, последний раз занявший казанский трон в 1486 г., до этого укрывался в Ногайской Орде. Поэтому в 1487 г. Иван III не мог питать иллюзии, что вся ногайская верхушка признает его ставленника на Казанском престоле Мухаммед-Эмина и ни за что не предпримет попыток его заменить. Так что скорее всего летом 6995 (1487) г. карголомский острог был практически достроен. А к летописному 6996 г. стоит относить уже завершающий этап строительства, не принципиальный для отражения потенциального штурма[36].

Правда, в источниках упоминается разное количество жен Алегама, плененных великокняжескими войсками при взятии Казани. Поэтому историки до сих пор не сошлись во мнении, была ли взята в плен только одна жена (Котляров, 2005. С. 142; Котляров, 2010. С. 24;

отнес ее к 6996 г. (ПСРЛ, 1965а. С. 137), однако, по сведениям сокращенного летописного свода 1493 г. и Краткого Кирилло-Белозерского летописчика XVI в. она состоялась уже зимой 6997 (1488/89) г. (Зимин, 1950. С. 35; ПСРЛ, 1962. С. 288). А «торговая казнь» лиц, обвиненных в подлоге завещания, вероятно, состоялась еще зимой 6995 (1486/87) г. (ПСРЛ, 1910а. С. 162). Поэтому мы предпочитаем опираться на сведения других источников о северной ссылке Алегама в 6995 (1487) г.

[36] Крупный специалист по древнерусской фортификации, В. В. Косточкин со ссылкой на один из опубликованных А. А. Зиминым кратких летописцев, писал о постройке Иваном III деревянной крепости в Карголоме в 1486 г. (Косточкин, 1962. С. 56). Правда, на самом деле согласно данному источнику, князь великий Иван срубил город на Белоозере в Карголоме не в 6994, а в 6996 г. от Сотворения мира (Зимин, 1950. С. 35), что вполне соответствует дате, указанной в привлеченных Косточкиным Иосафовской и Ник летописях, сообщающих о постройке «повелением великого князя Ивана Васильевича» нового города на Белоозере в Карголоме в 10 верстах от старого (ПСРЛ, 1901. С. 219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126), или, в переводе на современное летоисчисление, промежутку с 1 сентября 1487 по 31 августа 1488 г. от Р. Х. Однако, в связи с вышесказанным, мы допускаем, что, по иронии судьбы, В. В. Косточкин написал правильно – сооружение деревянной карголомской крепости началось в 1486 г, или, по крайней мере, до середины лета 1487 г., в пределах летописных 6994–6995 гг., а к концу лета 6995 (1487) г. крепость была фактически готова.

Илюшин, 2019. С. 42) или жены во мн. ч. (Борисов, 2000. С. 411; Бахтин, 2001. С. 188; Волков, 2001. С. 17; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. С. 32; Черкасова, 2017. С. 20). Московское великокняжеское летописание, наиболее обстоятельно сообщающее о заточении казанского хана Алегама и его семьи, как было сказано выше, сообщает, что взявшие Казань великокняжеские воеводы, «изымаша» помимо Алегама его мать, царицу, двух братьев и сестру и привели в Москву, а затем Иван III послал Алегама с царицей «в заточение» в Вологду. Тверская летопись, Владимирский летописец, Вологодско-Пермский летописец конца XV в., или рубежа XV–XVI вв., УЛС начала XVI в. тоже упоминают одну супругу (ПСРЛ, 1863. Стб. 500[37]; ПСРЛ, 1965а. С. 137; Клосс, 1976. С. 270; ПСРЛ, 1982. С. 50, 96).

В то же время, в летописном своде 1518 г. в котором приводятся уникальные и сведения о дате доставки пленного «царя» в Москву и месте его содержания в Кремле, либо тоже упоминается одна «жена» (Уваровская летопись) (ПСРЛ, 1962. С. 318), либо, напротив, «две жены» (СII) (ПСРЛ, 2001. Стб. 323). М. Г. Худяков, Н. С. Борисов А. Г. Бахтин и В. А. Волков, опираясь на СII (Худяков, 1991. С. 47; Борисов, 2000. С. 411; Бахтин, 2001. С. 188; Волков, 2001. С. 17, 189. Примеч. 38), писали о женах / двух женах Алегама. Однако, первичность и достоверность этого чтения не очевидна. Не исключено, что слово «две» было приписано православным книжником вторично, в силу стереотипного представления о мусульманском царе как о многоженце. В то же время, в Ермолинской летописи отмечено, что Алегама «посадиша на Вологде с царицами его» (ПСРЛ, 1910а. С. 162). Впрочем, надо иметь ввиду, что тут мать и сестра Алегама отдельно не выделены. Поэтому не исключено, что царицами названы не жены, а мать и жена. Стоит также учесть, что по ошибочной версии некоторых северорусских летописей (Холмогорской летописи и Архангелогородского летописца) мать Алегама тоже за компанию с ним и его царицей заточили в Вологде (ПСРЛ, 1977. С. 125; ПСРЛ, 1982. С. 96). Выехавшему 10 августа в 1487 г. в Крым великокняжескому послу Б. Ардашеву было велено говорить крымскому хану Меннгли-Гирею и его жене Нур-Салтан, что Алегама с его братьями, матерью и царицами захватив, «къ намъ привели» (Сб. РИО, 1884. С. 61–62). Однако, при этом, опять же не упоминается отдельно сестра Алегама. Потому вероятно под царицами подразумевались не жены, а жена и сестра. Эти же лица указаны в записи на пасхалии, сделанной проживавшим в Троице-Сергиевом монастыре бывшим новгородским архиепископом Сергием, или близким к нему лицом, согласно которой 9 ию(ля) воеводы великого князя взяли Казань и пленили казанского царя с матерью, братьями и с «царицами», либо женами, либо женой и сестрой (Гимон, Орлова-Гимон, 2014. С. 68–69, 78). При этом, стоит отметить, что в 1489 г. в ходе переговоров с ногайскими послами Иван III

[37] Сам Алегам в Тверской летописи ошибочно назван Обреимом.

определенно упомянул об аресте одной жены Алегама: Алегама «достали есми (мы) и съ его матерью и съ его женою и съ его братьею» (там же. С. 83). Аналогичный «список» этой грамоты послали Мухаммед-Эмину. Там тоже было указано, что Алегама «взяли» в плен с одной женой – «взяли есмя и с его материю, и с его женою, и с его братьею» (ПК, 1984. С. 23). Правда, надо иметь ввиду, что здесь приведен не полный перечень плененных великокняжескими войсками при взятии Казани членов ханской семьи – не упомянута сестра Алегама и Мухаммед-Эмина, которая в 1489 г. уже, видимо была отпущена из северной ссылки в Казанское ханство, поскольку Иван III просил Мухаммед-Эмина не выдавать ее без его ведома замуж за Алач-мурзу, сына ногайского бия Ямгурчи (Сб. РИО, 1884. С. 86–87). Поэтому, если бы, к примеру, одна из жен Алегама к 1489 г. умерла в заключении, как полтора ст. до этого скончалась в тверском плену московская княгиня Кончака, то в данных посольских документах она тоже была бы не упомянута. Но имея обстоятельное повествование официального великокняжеского летописания о заточении Алегама и его родственников, в котором упоминается одна царица, можно предположить, что во второй половине 1480-х гг. у Алегама была одна супруга Каракуш. По крайней мере, нет надежных сведений о наличии у него двух или более жен.

В некоторых источниках можно найти явно ошибочные сведения о детях Алегама. В Прилуцкой летописи (в которой воспроизведен рассказ великокняжеского летописания) два брата Алегама, захваченные в плен русскими войсками при взятии Казани, по ошибке записаны как два сына. Но в сообщении об их отправке в Карголом они правильно названы братьями (ПСРЛ, 1963. С. 153). Холмогорская летопись середины XVI в. дает сокращенную выписку из московского летописного рассказа о казанском взятии, опираясь на Прилуцкую летопись или аналогичный памятник: тоже упоминаются дети Алегама и в перечне великокняжеских воевод вторым идет князь С. И. Ряполовский, а не А. В. Оболенский (ПСРЛ 1977. С 125). Другие источники никаких сведений о детях Алегама не содержат. Значит, либо он был бездетен, либо к 1487 г. его дети умерли.

Что касается пленных представителей казанской знати, то их, по вышеуказанным сведениям великокняжеского летописания, ожидала смертная казнь. Согласно Вологодско-пермскому летописцу конца XV в. / рубежа XV–XVI вв. Иван III повелел побить [кнутом / батогами] двух пленных князей Чеботаевых детей на Кучкове [поле под Москвой] (Клосс, 1976. С. 270). Дальнейшая участь этих князей не ясна. Наказания батогами и кнутом не относились в Великом княжестве Московском XV–XVI вв. к смертной казни, хотя иногда непосредственно ей предшествовали. В 1471 г. Иван III велел бить кнутом плененных в Шелонской битве новгородских бояр, а затем обезглавить их (ПСРЛ, 1910а. С. 159).

Архангелогородский летописец содержит уникальное сообщение о том, что Иван III пленных казанских «князей и княгин, и татар розъсажал по посельским» (ПСРЛ, 1982. С. 96) – передал в распоряжение управляющих дворцовых, или великокняжеских, сел. По мнению А. Г. Бахтина и В. А. Волкова речь шла не о казненных пленниках, а о каких-то иных (Бахтин, 2001. С. 188; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. С. 32), а по мнению Н. С. Борисова – о тех же самых татарах, которые были казнены Иваном III, просто устюжский хронист несколько смягчил описание последствий взятия Казани (Борисов, 2000. С. 411–412). Во всяком случае, стоит учесть, что Архангелогородский летописец приводит неверные данные о месте ссылки матери Алегама, отправляя ее в Вологду вместо Карголома. Поэтому за точность его сведений об участи прочих пленных казанцев ручаться не стоит. При этом, надо отметить, что летописец не упоминает о дальнейшей участи этих пленных князей, княгинь и рядовых татар (что дает некоторым исследователям возможность высказывать на сей счет различные догадки)[38], в частности, не сообщает о том, что им потом сохранили жизнь. Примечательно, что источники обычно не упоминают о доставке в Москву пленных казанских княгинь (а ведь если бы князей ожидала ссылка, то, наверное, их жен тоже отправили бы в Москву). Даже в 1-ой редакции УЛС начала XVI в., сообщающей об аресте княгинь наряду с князьями при взятии Казани, об их отправке в Москву не упоминается –вместо них с князьями «к Москве» вели мурз (ПСРЛ, 1982. С. 50), видимо, тех самых прочих «крамольников», известных из независимого известия великокняжеского летописания помимо пленных князей и уланов. Скорее всего, русские воеводы временно не выпускали княгинь со двора во время ареста их мужей, не собираясь при этом увозить с ними в Москву. А уже во 2-ой редакции УЛС при сообщении о доставке пленников в Москву мурзы были заменены на княгинь (очевидно, поздний хронист рассудил, что раз уж княгинь арестовали, то их тоже должны были доставить в Москву и «поправил» предшественника[39]). Таким образом, пленных казанских аристократов, наверное, было задумано не держать в ссылке с женами, а казнить по прибытию в Москву. Поэтому, вероятно, Иван III не был намерен учинить массовый «вывод» казанской знати, а приказал ограничиться пленением относительно немногих «крамольников», которым уготовил показательную казнь на подмосковном Кучковом поле[40]. После того как в июле 1487 г. великокняжеские войска

[38] Если по мнению Н. С. Борисова и А. Г. Бахтина ссыльных татар не то de facto, не то de jure, превратили в рабов – холопов (Борисов, 2011. С. 411; Бахтин, 2011. С. 188), то М. С. Черкасова полагает, что они получили великокняжеские села в кормление (Черкасова, 2017. С. 20).

[39] А вот сознательная замена княгинь на мурз в данном случае была бы необъяснимой. Поэтому следует считать первичным чтение 1-ой редакции: «мурз», а чтение 2-ой редакции: «со княгинями» – вторичным.

[40] В этой связи можно согласиться с Б. А. Илюшиным, что «не все сторонники плененного Алегама были убиты после взятия Казани. Некоторые из них укрылись в ногайских кочевьях» (Илюшин, 2019. С. 52). Можно назвать еще одного выжившего – Тевекеля, который, как было указано выше, на самом деле был не казанцем, а крымцем. Он почему-то так не хотел возвращаться в Крым, что был готов попасть под арест в Москве наряду с настоящими послами Алегама. А Иван III установив его истинную личность, отправил его с его «рухлядью» (движимым

взяли Казань и утвердили на престоле московского ставленника Мухаммед-Эмина, Иван III давал понять, что отныне он сам назначает казанских ханов, а противники посаженного им на казанский трон Мухаммед-Эмина, с согласия которых в 1486 г. Алегам занял престол, должны быть признаны беззаконниками, мятежниками и понести соответствующую кару.

Список источников и литературы

Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М.: Энц. российских деревень, 2001. 239 с.

Аверьянов К. А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М.: Центрполиграф, 2018. 319 с.

Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

Аксанов А. В. К вопросу о «Партийном делении» политической Элиты Казанского ханства // Золотоордынское обозрения. 2022. Вып. 10 (2). С. 482–490.

Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

Алексеев Ю. Г. «Первая Казань» и зарождение военного ведомства Русского государства // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В. В. Пузанов. СПб.; Ижевск: УдГУ, 2001. С.152–165.

Алексеев Ю. Г. Поход 1477 г. // Исследования по русской истории и культуре: сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М.: Парад, 2006. С. 341–372.

Алексеев Ю. Г. Победа на Волге // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Т. XXX. С. 350–362.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб: СПбГУ, 2009. 464 с.

Алексеев Ю. Г. Список воевод Ивана III // Русские древности. 2011. С. 216–234.

Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.

Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: МГУ, 1952. 544 с.

Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.

Бахтин А. Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГПУ, 2001. 568 с.

Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.

имуществом) к крымскому хану Менгли-Гирею вместе с ханскими послами, уланом Тевекелем и Лухбердей-дуваном (Сб. РИО, 1884. С. 64–65, 74). Другое дело, что возможно в Крыму его не ждало ничего хорошего. Интересно, что Иван III и его союзник Менгли-Гирей подчеркивали, что Тевекель был отправлен в Крым с «рухлядью» (там же) – движимым имуществом. Похоже на то, что он с точки зрения обоих государей поддерживал излишне дружелюбные отношения с Алегамом и слишком охотно брал от него подарки. Согласно Архангелогородскому летописцу, «иных [пленных казанцев великий князь] привел к роте (присяге), что им государю хотеть великому князю добра, и отпустил их в Казань» (ПСРЛ, 1982. С. 96). Однако, в свете сказанного, неверифицированым сообщениям данного источника о пленных татарах безоговорочно доверять не приходится. К тому же не ясно, идет ли здесь речь идет о лицах, захваченных непосредственно при взятии Казани, или о взятых в плен в Москве послах Алегама, улане Бахтеяре и Мангуше.

Волков В. А. Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М.: Русский мир, 2001. 230 с.

Волков В. А. Иван III – непобедимый государь. М.: Ломоносовъ, 2018. 216 с.

Гимон Т. В., Орлова-Гимон Л. М. Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.I.762 (XV в.) // Исторические исследования. 2014. № 6. С. 54–79.

Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда: Древности Севера, 2019. 603 с.

Добродомов И. Г. Загадочная параллель: бур (бор) орхонских рунических надписей и боръ (<* бъръ) «Повести временных лет» // Turcologica 1976. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 241–246.

Зайцев И. В. В каком году умер казанский Царевич Петр Ибрагимович – Худайкул Б. Ибрахим? // Золотоордынское обозрение. 2017. № 1. С. 128–137.

Зайцев И. В. Надгробие Худайкула (Петра) в Московском Кремле // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 196–199.

Захаров С. Д. Белоозеро и Белозерск // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 168–187.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив, Том V. М.; Л. 1950. С. 3–39.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 336 с.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине в XV–первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.

Илюшин Б. А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул–СТ, 2018. 128 с.

Илюшин Б. А. Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий // Российская история, 2018. №3 (3). С. 93–103.

Илюшин Б. А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический. очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с.

Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос, 2021. 428 с.

Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн Нижний Новгород: ННГУ, 2022. 350 с.

Клосс Б. М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 264–282.

Комаров О. В. Полевая фортификация Русского государства XV–XVI вв. // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. М., 2020. Вып. 6. С. 193–220.

Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., АН СССР, 1962. 286 с.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1951. 255 с.

Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: УдГУ, 2005. 314 с.

Котляров Д. А. «Служащий царь» казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник УдГУ. История и филология. Вып. 3. 2010. С. 23–31.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., Наука, 1984. 349 с.

Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 20–30.

Несин М. А. Царевич Касим на службе Василию II // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 186–193.

Несин М. А. Статус касимовских Чингизидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 397–411.

Несин М. А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра // История военного дела: исследования и источники. 2018. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. I. С. 76–154.

Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг.// История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491.

Несин М. А. Архимандриты вечевого Новгорода // Novogardia. 2019. № 4. С. 44–139.

Несин М. А. Служилые татары Ивана III на западном театре военных действий // средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 12. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 65–74.

Несин М. А. Русский поход на Казань 1478 года // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного годовщине битвы на Константиновом поле 1549 года / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, 2022. С. 40–46.

Несин М. А. Казанский поход на Вятскую землю и русский поход на Казань 1478 года // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998), Николай Николаевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.) / отв. ред. и сост. Л. Н. Бехтерева, В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: УдГУ, 2022. С. 107–120.

Несин М. А. Русско-казанский конфликт начала 1480-х гг. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Десятой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6–7 декабря 2022 г.) / сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. Ижевск: УдГУ, 2023. С. 95–104.

Несин М. А. Казанский престол в 1484/85–86 гг. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Одиннадцатой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 24–25 октября 2023 г.) сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. Ижевск: УдГУ, 2024. (В печати).

Псковские летописи. Вып. 1. М.–Л.: АН СССР, 1941. 146 с.

Псковские летописи. Вып. 2. М.: АН СССР, 1955. 256 с.

Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 667 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 100 с.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. 247 с.

ПСРЛ. Т. 8. СПб: Типография Э. Праца, 1859. 302 с.

ПСРЛ. Т. 11. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1897. 254 с.

ПСРЛ. Т. 15. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1863. 504 стб.
ПСРЛ. Т. 18. М.: Знак, 2007. 328 с.
ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 418 с.
ПСРЛ. Т. 23. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 342 с.
ПСРЛ. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с. 29.
ПСРЛ. Т. 25. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.
ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: АН СССР, 1959. 415 с.
ПСРЛ. Т. 27. М.; Л.: АН СССР, 1962. 418 с.
ПСРЛ. Т. 28. М.; Л.: АН СССР, 1963. 413 с.
ПСРЛ. Т. 29. М.; Л.: АН СССР, 1965, 391 с.
ПСРЛ. Т. 30. М.: Наука, 1965. 239 с.
ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. 250 с.
ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. 303 с.
ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 1. 188 с.
Сборник Императорского Русского Исторического Общества Т. 41. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.
Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству Казань: ЯЗ, 2014. 268 с.
Словарь русского языка XI–VII вв. Вып. 12. М.: Наука, 1987. 384 с.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 296 с.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга первая. СПб, 1851.
Срезневскій И. И. Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. 2. Л–П. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1902. 1802 с.
Татищев В. Н. Собрание сочинений. М.: Ладомир, 1996. Т. 6. 784 с.
Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах: (Стоглав). М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа 1890. 424 с.
Черкасова М. С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. М.: Центрполиграф, 2017. 255 с.
Шаров С. А., Хворостова Е. Л. Археологическое изучение Белозерского кремля XII–XV вв. //Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 182–197.
Malipiero D. Annali Veneti Dall'anno 1457 al 1500. T. 7. Firenze: G. P. Vieusseux, 1843. 637 p.